

Критическія бесѣды.

«Русская Мысль»: «Убийство» — рассказ А. П. Чехова, «Графинюшка» — этюда С. И. Ардова. — Русское Богатство: «Митька» — рассказ Евгения Чirikова, «Новое Слово»: На край свѣта — очеркъ Ив. Бунина, «Безъ особенныхъ правъ» — повѣсть Д. Маммина-Сибиряка, «Исторія чернаго сюртука» — рассказъ изъ рабочей жизни М. Крешнера, «Сѣверный Вѣстникъ» «Тяжелые сны» — романъ Ѳ. Соллогуба.

Наша беллетристика такъ оскудѣла, что небольшой рассказъ г. Чехова „Убийство“ долженствовашій появиться въ „Русской Мысли“, ожидался какъ нѣкоторое литературное событіе. Многочисленные поклонники г. Чехова съ нетерпѣніемъ ждали выхода книжки московскаго журнала, рассчитывая насладиться крупнымъ художественнымъ произведеніемъ любимаго писателя. Мы заранѣе предвкушали тотъ ни съ чѣмъ не сравнимый трепетъ, который вы испытываете, уходя всею душою въ книгу, до забвенія всего окружающаго со всеми его мелкими, надѣвными „злободневными“ заботами, когда призрачная жизнь художественнаго вымысла, кажется, такъ реальна, что заслоняетъ отъ васъ вашу дѣйствительную жизнь. Я долженъ сознаться, что мои надежды оказались обманутыми. Не то чтобы произведеніе г. Чехова не было художественнымъ — онъ въ этомъ отношеніи несомнѣнно стоитъ въ первомъ ряду своихъ собратій — но оно почему-то не захватываетъ такъ властно нашего воображенія, не овладѣваетъ такъ всецѣло вашей душой. Въ художественной дѣятельности г. Чехова лѣтъ 7—8 тому назадъ произошелъ крупный переломъ: онъ началъ съ легкихъ, преимущественно юмористическихъ миниатюръ, съ мимолетныхъ фотографій жизни и, создавъ собѣ на этомъ попрощѣ громкую извѣстность большого художника на малые сюжеты, перешелъ къ совершенно новому виду болѣе или менѣе крупныхъ по размѣрамъ и серьезныхъ по замыслу психологическихъ произведеній. Въ первомъ періодѣ онъ не шелъ дальше внѣшнихъ наблюденій надъ жизнью, легкихъ жанровыхъ спенокъ, тѣневыхъ сидуэтовъ, гениально схватываемыхъ съ помощью его чуткаго художественно-фотографическаго аппарата; во второмъ же періодѣ онъ дѣлаетъ цѣлый рядъ попытокъ проникнуть въ глү-

бину человеческой души, въ самыя нѣдры психической жизни, подобно Гераклею, который проникъ въ подземный тартаръ, не убоиъ великого Цербера. Послѣ безчисленнаго множества набросковъ и набросковъ онъ даетъ рядъ такихъ сравнительно крупныхъ произведеній, какъ „Степь“, „Именины“, „Дуэль“, „Палата № 9“, и наконецъ послѣдній рассказъ „Убійство“. Замѣчательно, что съ тѣхъ поръ, какъ сталъ писать психологическіе очерки, онъ уже совсѣмъ не пишетъ мелкихъ набросковъ. Онъ не дополнилъ прежній жанръ новеллы, но замѣнилъ первый вторымъ. Въ этомъ случаѣ мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ метаморфозой самого творчества г. Чехова, съ послѣдовательнымъ и кореннымъ превращеніемъ его таланта. Занявшись художественной психологіей, онъ пересталъ интересоваться художественной фотографіей, моментальныя снимки которой представляютъ собою произведенія первыхъ годовъ его творчества. Его психологія развивается, такъ сказать, на счетъ вышшняго наблюденія жизни, на счетъ объективнаго только художественно-созерцательнаго отношенія къ ней. вмѣстѣ съ тѣмъ и душевное настроеніе автора, изъ прежняго здороваго, живаго и спокойнаго сдѣлалось тревожнымъ, „хмурымъ“, иногда даже положительно мрачнымъ. Вспомните, какое ясное и почти радостное настроеніе оставлялъ на насъ каждый изъ маленькихъ набросковъ первыхъ томовъ Чехова и какую тяжелую и тревожную смуту въ душѣ испытывали вы, дочитывая „Старого профессора“, „Палату № 9“, и пр. Даровитое дитя, ни о чемъ глубоко не задумываясь, ничѣмъ не волнуясь, беззаботно играло своимъ талантомъ, скользя кистью по поверхности жизни—и намъ было весело жить съ нимъ; но, придя въ возрастъ, оно стало глубже вникать въ жизнь, задумываться надъ ея проклятыми вопросами, скорбѣть и болѣть начинающею прозрѣвать душою—и вмѣсто радостно-беззаботнаго лепета вы слышите тревожныя, скорбныя рѣчи и сами невольно охватываетесь великою скорбью и тревогой вѣчно неспокойной, вѣчно волнующейся мысли. Г. Буренинъ, со свойственно ему чуткостью, кажется, первый отмѣтилъ этотъ переломъ въ творчествѣ г. Чехова, но, чуждый волнующимъ наше поколѣніе вопросамъ и сомнѣніямъ, далъ ей одностороннее и неправильное толкованіе, обвинивъ г. Чехова въ искусственной „хмурости“, чуть ли не въ насильственномъ, въ угоду модѣ и времени, напусканіи на себя мрачной философской меланхоліи. Но современный писатель, какъ истый сынъ своего вѣка, имѣетъ, къ сожалѣнію, слишкомъ много причинъ быть хмурымъ безъ всякаго притворства, ему не нужно для этого морщить чело и напускать на себя гражданскую скорбь передоваго интеллигента. Чтобы быть печальнымъ, достаточно быть только отзывчивымъ на великую скорбь извѣрившейся мысли и поруганнаго и утраченнаго иде-

Переломъ
всего
иногда
в нем-м.

ла. Въ этомъ смыслѣ наши девяностые года представляютъ по общему тону общественнаго самочувствія и жизнепониманія прямую противоположность шестидесятымъ годамъ. Многіе вопросы, которые казались тогда окончательно и счастливо разрѣшенными представляются теперь неразрѣшимыми. Тридцатилѣтній опытъ общественной жизни принесъ много горькихъ разочарованій и заставилъ на многое смотреть далеко не такъ азбучно-прямолинейно, какъ смотрѣлось въ недавній мѣсяцъ нашего общественнаго пробужденія. Поразившая г. Буренина, „Хмурость“ г. Чехова вытекаетъ изъ его поздно пробудившейся осмысленности въ явленія жизни. Художественной и психологической общности его произведеній мы займемся въ ближайшемъ будущемъ въ особомъ очеркѣ, а пока, не выходя изъ роли обозрѣвателя текущей беллетристики, позволимъ себѣ указать на нѣкоторое измѣлчаніе сюжетовъ въ двухъ послѣднихъ разсказахъ г. Чехова: послѣ представителей наиболѣе развитой части общества, терзающихся вопросами о высшемъ смыслѣ жизни, какъ старый профессоръ и Катя, или мучающихся философско-нравственными противорѣчіями ея, какъ обитатель „палаты № 9“, и т. д., г. Чеховъ въ предпослѣднемъ разсказѣ своею взялъ героиню богатую, хорошую, но мало развитую дѣвушку-милліонершу и на добрыхъ двухъ печатныхъ листахъ разсказалъ намъ, какъ трудно ей выйти замужъ и какъ давить и стѣсняетъ ее ея богатство. Послѣ замѣчательнаго почти ни кѣмъ изъ критиковъ по достоинству не оцененнаго психологическаго разсказа, мы впрямѣ были ожидать, что г. Чеховъ посвятитъ свой выдающійся талантъ мучительнымъ, гнетущимъ разладамъ интеллигентной души, а не изображенію тяжелаго дѣвства добродушной, но глупенькой милліонерши. Въ послѣднемъ очеркѣ онъ хотя и разрабатываетъ психологію разладовъ, но пиенно неинтеллигентной души; не смотря на то, что разсказъ озаглавленъ „Убійствомъ“ — убійство является въ немъ только мимолетнымъ, почти нечаяннымъ событіемъ, изложеннымъ на полустраничкѣ, а главнымъ сюжетомъ очерка служить тяжелая драма исканія двумя полураскольниками истиннаго Бога и истинной вѣры и мимоходомъ данная характеристика различныхъ типовъ религиозности темнаго русскаго человѣка.

Предпринятое Чеховымъ путешествіе на Сахалинъ, дало ему возможность столкнуться съ самыми разнообразными типами преступности и вотъ, очевидно, одинъ изъ наблюденныхъ случаевъ и послужилъ матеріаломъ для новаго очерка.

Въ духовной жизни русскаго темнаго люда элементъ обрядоваго изуверства, всего ярче сказывается въ расколѣ, въ причинахъ

Саша и
Виктор

происхожденія его, въ его исторіи, въ испытанныхъ имъ гоненіяхъ и пр. Обрядовая сторона, долженствующая служить символомъ внутренняго содержанія вѣры, (какъ напр. крестъ — символъ страданій распятаго Христа), нерѣдко заслоняетъ ея сущность. Изъ-за символа любви и молитвы, изъ-за двухперстнаго или трехперстнаго крестнаго знамени, возгоралась вѣковая ненависть, изъ-за символа любви и молитвы лились рѣки крови, совершались тысячи жестокостей. Символъ необходимъ для удержанія отвлеченной идеи въ плотскомъ умѣ, — такова уже природа человѣческой души, такова психологія религіознаго чувства. Но съ теченіемъ вѣковъ, темный умъ привыкаетъ видѣть только символъ, только обрядъ и забываетъ о томъ, что онъ долженъ собою напоминать и обозначать. Символизированіе — необходимое орудіе всякой религіи, но въ немъ же и начало нравственной смерти религіи. Нѣтъ религіи, которая въ сновѣхъ своихъ не была бы чиста и возвышенна, и нѣтъ религіи, нравственныя основы которой не извращались въ привзошедшими потомъ въ теченіе вѣковъ обрядами и символами. Идеально чистыя въ моментъ своего возникновенія, ученія постепенно съ вѣками окостенѣваютъ въ видѣ торжествующихъ системъ; благодать истинной вѣры и истиннаго чувства, создавшая ихъ, оставляетъ ихъ; пріобрѣтая господство надъ народами, они теряютъ свою божественную чистоту и воспринимаютъ всю грязь и всю неправду міра, который они покорили. Тоскующая по Божеству душа ищетъ Божіей правды въ новыхъ источникахъ, твергая старыя омертвѣвшія формы, съ тѣмъ, чтобы снова заковать въ ряду слѣдующихъ поколѣній свободное и искреннее религіозное чувство въ систему мертвыхъ привычекъ и обрядовъ, падаетъ, какъ ветхозаветные евреи, ницъ передъ идолами, что бы потомъ снова разбить ихъ во славу истиннаго Бога — и такъ ведется отъ начала міра и будетъ, должно полагать, еще долго послѣ насъ.

Въ теченіи трехъ поколѣній искало истинной вѣры и семейство Тереховыхъ, о которыхъ повѣствуетъ г. Чеховъ. Они очень усердно молились Богу и поэтому сосѣди къ ихъ настоящей фамиліи присоединили еще прозвище: Богомолы. Родоначальница ихъ и основательница постоялаго двора, въ которомъ происходитъ драма, „бабка“ Авдотья была старой вѣрой; ея сынъ же и оба внука ходили въ православную церковь и новымъ образомъ молились съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ и старымъ; сынъ въ старости не ѣлъ мяса и наложилъ на себя обѣтъ молчанія, считая грѣхомъ всякій разговоръ; а у внуковъ была та особенность, что они Святые Писаніе понимали не просто, а ~~еще не знали~~ въ немъ скрытаго смысла“.

— «Я, надо вам замѣтить, — рассказываетъ одинъ изъ моихъ, младшій братъ Матвѣй, своимъ пріятелямъ—станціонному жандарму и буфетчику.— еще въ малолѣтствѣ былъ приверженъ къ религіи. Мнѣ только ~~привлекаясь~~ ~~только~~ ~~конь~~ было, а я уже въ церкви апостола читалъ, и родители мои всегда утѣшались, и каждое лѣто мы съ покойной маменькой ходили на богомолье. Бывало другіе ребята пѣсни поютъ или раковъ ловятъ, а я въ это время съ маменькой».

Какъ натура мягкая, немного художественная и въ значительной степени безличная, Матвѣй въ религіозности всего больше любилъ чтеніе псалмовъ, пѣніе съ клироса и пр. Грамотей религіи и ~~псалмовъ~~ ~~вещь~~ ~~ей~~, онъ былъ совершенно лишень по натурѣ суроваго ~~страстно~~ ~~аскетическаго~~ ~~начала~~, которое дѣлаетъ изъ вѣрующаго ~~мученикомъ~~, ополчаетъ ихъ на борьбу и подвижничество. Его призваніе—жить въ мірѣ со всѣмъ и со всѣми, умилуно пѣть жидкимъ теноркомъ и наслаждаться чтеніемъ книжекъ и „умственными“ разговорами о духовномъ съ станціоннымъ жандармомъ и буфетчикомъ, а между тѣмъ злая судьба дѣлаетъ его сначала аскетомъ-пустосвятомъ, сурово-осуждающимъ ~~духовныхъ~~ ~~лицъ~~ ~~за~~ ~~такія~~ ~~прегрѣшенія~~, какъ курево, вино и елей, а потомъ, когда энергичный и по обыкновенію вѣрующій человекъ вернулъ его на путь истинный, къ пассивному непротівленію и неосужденію — онъ проповѣдуетъ такое же смиреніе своему старшему брату и умираетъ чуть не мученикомъ за свои проповѣди отъ руки брата и сестры.

Свое временное сурово-аскетическое пустосвятство, столь противное натурѣ его, Матвѣй, само собою разумѣется, понимаетъ какъ ~~наказаніе~~ ~~дьявола~~ — ни болѣе, ни менѣе.

Воспитанный подъ вліяніемъ богомолки-матери онъ, поступивъ чѣмъ-то въ родѣ приказчика на заводъ, держался строгой жизни.

«Водки не пилъ, табаку не курилъ, соблюдать чистоту тѣлесную, такое направленіе жизни, извѣстно, не правится врагу рода человѣческаго—говоритъ Матвѣй,—и сталъ онъ, окалиный, омрачать мой разумъ. Самое первое, дакъ я объѣлъ не кушать по понедѣльникамъ скоромнаго, и не кушать мяса во всѣ дни, и вообще съ теченіемъ времени нашла на меня фантазія. Въ первую ~~небольшую~~ ~~великаго~~ ~~поста~~ до субботы святыя отцы положили сухоященіе, но труднившись и слабымъ не грѣхъ даже чайку попить, у меня же до самого воскресенья ни крошки во рту не было, и потомъ во весь постъ я не разрѣшалъ себѣ ~~ничего~~ ~~ни~~ ~~откуда~~, а въ среды и пятницы такъ и вовсе ничего не кушалъ. То же и въ малые посты. Бывало въ Петровки наши заводскіе хлебають ~~ни~~ ~~въ~~ ~~су-~~ ~~дака~~: а я въ стороночкѣ отъ нихъ сухарикъ сосу. У людей сила ~~раман~~, конечно, но я о себѣ скажу: въ постные дни мнѣ не трудно было и такъ даже, что чѣмъ больше усердія тѣмъ легче. Хочется кушать только въ ~~первую~~ ~~дни~~ ~~поста~~, а потомъ привыкаешь, становится все легче и. гляди, въ ~~концѣ~~ ~~постѣ~~ ~~совсѣмъ~~ ~~ничего~~ и въ ногахъ такое оѣменіе, будто ты не на землѣ, а за обла-

кѣ. И кромѣ того налагалъ я на себя всякое послушаніе: вставалъ во время и поклоны билъ, камни тяжелые таскалъ съ мѣста на мѣсто, на снѣгъ выходилъ босикомъ, ну и вериги тоже. Только вотъ по простествіи времени исповѣдуюсь я однажды у священника, и вдругъ такое мечтаніе: *вѣдь священникъ этотъ, думаю, женатый, скоромникъ и табачникъ; какъ же онъ можетъ исповѣдывать и какую власть имѣетъ отпускать мои грѣхи, ежели онъ грѣшникъ, чѣмъ я?* Я даже постнаго масла остерегаюсь, а онъ, небось, осетрину ѣлъ. Помню я къ другому священнику, а этотъ какъ на грѣхъ толстомясый. въ шелковой рясѣ, шуршитъ, будто дама, и отъ него тоже табакомъ пахнетъ».

Въ результатѣ Матвій нигдѣ молиться не можетъ, все что ни будь не по не немъ, послѣ этого устроилъ онъ гдѣ-то за городомъ около кладбища у глухой мѣщанинн свою молельню, въ которой

«держался устава святой Аѳонской горы, то-есть, каждый день обязательно утренняя у него начиналась въ полночь, а подъ особенно чтимые праздники все-нощная слушалась часовъ десять, а когда и двѣнадцать. Монахи все-таки по уставу во время канонъ и паремій спятъ, а я, говоритъ онъ, — желалъ быть угодице монаховъ, и все бывало на ногахъ. Ну, пошло по городу: Матвій святой, Матвій больныхъ и безумныхъ исцѣляетъ. Ни кого я, конечно, не исцѣлилъ, но извѣстно, какъ только заведется какой расколъ и лжеученіе, то отъ женскаго пода отбоя нѣтъ. Все равно, какъ мухи на медъ. Поводились ко мнѣ разныя бабки и старыя дѣвки, въ ноги мнѣ кланяются, руки плблужутъ и кричатъ, что я святой и прочее, а одна даже на моей головѣ сіяніе видѣла. Стало тѣсно въ молельной, взялъ я комнату побольше и пошло у насъ настоящее столпотвореніе. Мы все въ родѣ какъ бы сбѣснлись. Я читалъ, а бабки и старыя дѣвки пѣли и этакъ долго не ѣвши и не пивши, простоявши на ногахъ сутки или дольше, вдругъ начинается съ ними трясеніе, будто ихъ лихорадка бьетъ, потомъ этого то одна крикнетъ, то другая—и этакъ страшно! Я тоже трясуся весь, какъ жидъ на сковородѣ, самъ не знаю, но какой такой причинъ, и начинаютъ ноги наши прыгать. Чудно, право: не хочешь, а прыгаешь и руками болтаешь; и потомъ этого крикъ, визгъ, все пляшемъ и другъ за дружкой бѣгомъ, бѣгаемъ до упаду. И такимъ образомъ въ дикомъ безпачастіи впасть я въ бѣду».

Въ этой исповѣди Матвія Чеховъ далъ намъ крайне любопытную страничку изъ закулисной психологіи нашихъ дикихъ мистическихъ сектъ. Натура Матвія, какъ мы указывали выше, была чужда этого аскетизма и мистицизма и, дойдя до крайняго проявленія болѣзненно-мистической извращенности, онъ, подъ вліяніемъ обличеній суроваго хозяина Осипа Варламовича, отрекается отъ своего пустосвятства.

Старшій братъ его Иконъ—человѣкъ совершенно иного типа: суровый, крутой, хозяйственный и систематичный. Онъ сущее былъ православнымъ, но послѣ смерти жены пересталъ ходить въ церковь и молился дома. Какъ личность болѣе крупная и сильная, онъ вскорѣ

свои заблужденія несравненно болѣе дорогою цѣною, чѣмъ легкомысленный и въ сущности безхарактерный Матвѣй, и познаніе истинной вѣры дается ему только путемъ страшныхъ преступленій и страданій. Если въ религіозности Матвѣя главную роль играли художественные запросы, находившіе удовлетвореніе въ чтеніи псалмовъ, пѣснопѣній и всякой „умственности“, то въ духовной жизни Якова господствовала сурово-дѣловая, хозяйственная сторона: религія давала ему прежде всего опредѣленный строй отношеній къ окружающему міру и лицамъ. Всего болыше онъ цѣнилъ въ ней порядокъ, потому что и сама она была для него прежде всего опредѣленнымъ порядкомъ поведенія, собраніемъ житейскихъ правилъ, *системою* обрядовъ. Отсюда уже не далеко и до религіознаго буквѣдства и обрядовой формалистики. Въ церковь онъ не ходилъ потому, что, по его мнѣнію, въ церкви не точно исполняли уставъ, и потому, что священники пили вино въ непоказанное время и курили табакъ. Въ Веденіи онъ вовсе не читалъ канона, онъ же у себя прочитывалъ все, что полагалось на каждый день, не пропуская ни одной строчки и не торопясь. „И въ обыденной жизни онъ строго держался устава и если въ великомъ посту въ какой-нибудь день разрешалось вино „ради труда бѣднаго“, онъ пилъ вино даже когда не хотѣлъ“. Онъ читалъ, пѣлъ, кадилъ и постился не для того, чтобы получить отъ Бога какія-либо блага, а для *порядка*, считая возможнымъ обращаться къ Богу только съ тѣми словами и мыслями, какія приличны данному дню и часу“.

Нераздѣленный съ нимъ братъ Матвѣй, равноправный владѣлецъ всего хозяйства, предками накопленныхъ денегъ и трактира, поселившись у Якова, нарушалъ весь распорядокъ его и духовной и хозяйственной жизни: вставалъ поздно, пилъ и ѣлъ не во время и скоромное и, входя въ моленную, кричалъ: „Образумьтесь, братецъ, покайтесь, братецъ!“ Отъ этихъ словъ Якова бросало въ жаръ, а сестра Аггала начинала браниться. Или ночью Матвѣй прокрадывался въ моленную и тихо говорилъ:

— Братецъ, ваша молитва не угодна Богу. Потому что сказано: прежде смиришь съ братомъ своимъ и тогда приидешь принесть даръ свой. Вы-же деньги въ ростъ даєте, водочкой торгуете. Покайтесь!

Съ хозяйственной точки зрѣнія все это казалось Якову пустяками: вѣдь если торговать себѣ въ убытокъ и брать съ проѣзжихъ дешево, то это будетъ не торговля, а безпорядокъ и глупость, а назыву порядкомъ только тѣ, кто не любитъ работать. Но все-таки онъ былъ раздраженъ и уже не могъ молиться, какъ прежде: душевный распорядокъ его былъ нарушенъ и въ сердцѣ воцарилась смута. Онъ сталъ вдругъ

задумываться надъ книгой, почему-то ему часто приходило на память, что богатому трудно войти въ царство небесное. что въ третѣмъ году онъ очень выгодно купилъ краденую лошадь, что еще при покойницѣ женѣ какой-то пьяница умеръ у него въ трактирѣ отъ водки.

Яковъ испытываетъ смутное недовольство собой и тяжела мученія полупробужденной совѣсти. Выразилось въ немъ это весьма психологически правдоподобно прежде всего потерю энергіи обычныхъ стремленій и желаній. Такъ, не давъ Матвѣю лошадь, онъ поѣхалъ самъ по дѣламъ въ Шушейкино, но, встрѣтивъ обозъ бабъ съ кирпичемъ, долженъ былъ свернуть съ дороги и переждать пока они пройдутъ.

«И быть можетъ потому, что ему было неудобно и болѣлъ бока. вдругъ ему стало досадно и то дѣло, по которому онъ теперь ѣхалъ, показалось ему не важнымъ и онъ сообразилъ, что можно было бы послать завтра за нимъ работника. Опять почему-то, какъ въ прошлую безсонную ночь, онъ вспомнилъ слова про верблюда и затѣмъ полѣзли въ голову разныя воспоминанія то о мужикѣ, который проаналъ краденую лошадь, то о пьяницѣ, то о бабахъ, которыя приносили ему въ закладъ самовары. Конечно, каждый купецъ старается взять больше, этого требуютъ правила торговли, но Яковъ почувствовалъ угнетеніе отъ того, что онъ торговецъ, ему захотѣлось уйти куда-нибудь подальше отъ этого порядка и стало скучно отъ мысли, что сегодня ему надо читать вечерню».

Обращаемъ вниманіе читателя на удивительно тонкую психологическую послѣдовательность чеховскаго анализа души Якова, пробужденная совѣсть котораго уже не могла довольствоваться однимъ внѣшнимъ благочестіемъ. Подъ вліяніемъ нашедшаго на него раздумья онъ повернулъ лошадь и велѣлъ за обозомъ поѣхать домой.

Дома онъ натолкнулся на такую сцену: его дочь Дашутка уронила ведро въ колодезь, работникъ избранилъ ее нехорошими словами.

И Яковъ Ивановичъ, вошедшій въ это время на дворъ, слышалъ, какъ Дашутка отвѣтила работнику скороговоркой длинною отборною бранью, которой она могла научиться только въ трактирѣ у пьяныхъ мужиковъ.

— Что ты, срамяцца? крикнулъ онъ ей, и даже испугался. — Какія это ты слова?

А она глядѣла на отца съ недоумѣніемъ, тупо, не понимая почему нельзя произносить такихъ словъ. Онъ хотѣлъ прочесть ей наставленіе, но она показала ему дикую, темную и въ первый разъ онъ вспомнилъ, что у нея нѣтъ никакой вѣры. И вся эта жизнь въ лѣсу, въ снѣгу, съ пьяными мужиками, съ бранью, представилась ему такою-же дикой и темной, какъ эта лѣвушка и онъ только махнулъ рукой. Къ Матвѣю пришли жандармъ съ бѣлѣтчиками: «Яковъ Ивановичъ вспомнилъ, что у этихъ людей тоже нѣтъ никакой вѣры и что это ихъ нисколько не беспокоитъ и жизнь стала казаться ему странною, безумною и безпросвѣтною, какъ у собаки».

И въ непонятномъ для самого себя раздраженіи съ внутренней боли и душевной сумятицы онъ грозно сталъ ходить по двору, сжавъ кулаки и чувствуя себя громаднымъ страшнымъ звѣремъ.

Въ моленной опять братъ Матвѣй помѣшалъ ему молиться, приставая: „Покайтесь, опомнитесь, братецъ!“ Съ сдержанною яростью громаднаго страшнаго звѣря Яковъ прошелъ мимо Матвѣя, не глядя на него, чтобъ не ударить, самъ ясно сознавая, что онъ уже недоволенъ своею вѣрою и не можетъ молиться по прежнему, мучаясь своею духовною безпомощностію, не зная надо ли каяться или же смотрѣть на все свои сомнѣнія, какъ на бѣсовское наводненіе. Онъ вошелъ въ избу, чтобы выгнать изъ дома Матвѣя, въ которомъ видѣлъ источникъ всѣхъ своихъ мукъ. Въ эту минуту (дѣло было въ страстной повѣдѣльницѣ) Матвѣй собирался ѣсть картофель съ постнымъ масломъ, не обращая вниманія на ругательства Аглаи. Ужасную послѣдующую сцену выписываемъ почти цѣликомъ.

— А я тебѣ говорю, ты не можешь ѣсть масла! крикнулъ Яковъ, покраснѣвъ весь и вдругъ, схвативъ чашку, поднялъ ее выше головы и изо всей силы ударилъ б-земь, такъ что полетѣли черепки. — Не смѣй говорить! — крикнулъ онъ неистовымъ голосомъ, хотя Матвѣй не сказалъ ни слова. — Не смѣй! — повторилъ онъ и ударилъ кулакомъ по столу.

Матвѣй поблѣднѣлъ и всталъ.

— Братецъ! сказалъ, продолжая жевать, — Братецъ, опомнись!

— Вонъ изъ моего дома сію же минуту! — крикнулъ Яковъ: ему были противны и морщинистое лицо Матвѣя, и голосъ, и крошки на усахъ и то, что онъ жуешь.

— Братецъ, уймись! Гасъ обуяла гордость бѣсовская!

— Молчи! (Яковъ застучалъ ногами). Уходи дьяволъ!

— Вы ежели желаете знать, — продолжалъ Матвѣй громко, тоже начиная сердиться, — вы боготетупникъ и еретикъ! Покайтесь, братецъ!

Яковъ взялъ его за плечи и потащилъ изъ-за стола, а онъ еще больше поблѣднѣлъ и, испугавшись, смутившись, забормоталъ: «Что-жъ оно такое. Что-жъ оно такое?» и упираясь, дѣлая усилія, чтобъ вывѣдаться изъ рубъ Якова, нечаянно схватился за его рубаху около шеи и порвалъ воротникъ. а Аглаѣ показалось, что это онъ хочетъ бить Якова, она вскрикнула, схватила бутылку съ постнымъ масломъ и изо всей силы ударила ею ненавидимаго брата прямо по темени. Матвѣй пошатнулся и лицо его въ одно мгновеніе стало спокойнымъ, равнодушнымъ.

Яковъ, тяжело дыша, возбужденный и испытывая удовольствіе отъ того, что бутылка, ударившись о голову, крикнула какъ живая, не давалъ ему упасть и нѣсколько разъ (это онъ помнитъ очень хорошо) указавъ Аглаѣ пальцемъ на утюгъ и только когда полилась по его рукамъ кровь и послышался громкій плачъ Дашутки и когда съ шумомъ упала глянцезная доска и на нее грустно повалился Матвѣй, Яковъ пересталъ чувствовать злобу и понялъ, что произошло.

— Пусть издыхаетъ, заводскій жеребецъ! съ отвращеніемъ проговорила Аглая, не выпуская изъ рукъ утюга; бѣлый, забрызганный кровью платочекъ сползъ у нея на плечи и сѣдые волосы распустились. Туда ему и дорога!

Все было страшно. Дашутка сидѣла на полу около печки съ нитками въ рукахъ, всхлипывала и все кланялась, пропозноса съ каждымъ поклономъ «гамъ! гамъ!». Но ни что не было такъ страшно для Якова, какъ горячій картофель въ крови, на который онъ боялся наступить.

Картина убійства съ послѣдующими подробностями наивныхъ попытокъ сокрытія преступленія, подкупа случайнаго свидѣтеля буфетчика Сергѣя Никаноровича, надѣяннаго поправить свои обстоятельства молчаніемъ, но попавшаго вмѣсто этого на каторгу, какъ соучастникъ, и наконецъ, механическое полубезсознательное отношеніе къ событію самого Якова, котораго, кажется, болѣе всего пугало въ происшедшемъ появленіе въ его избѣ урядника и злорадево сосѣдей, мимо которыхъ поведутъ связанныхъ Богомолowychъ,—все это не съ меньшою сплюю, чѣмъ драма Л. Толстого рисуетъ страшную „власть тьмы“ надъ этими темными или мелкими душами: Яковымъ, Сергѣемъ Никаноровичемъ, Дашуткой, Аглаей и пр. Такое же тяжелое впечатлѣніе вы выносите и изъ сцены суда. Когда предѣдатель спросилъ Якова: вы раскольникъ? — Яковъ отвѣтилъ: не могу знать.

«Онъ не имѣлъ уже никакой вѣры, ничего не зналъ и не понималъ, а прежняя вѣра ему была теперь противна и казалось неразумной, темной. Аглая не смилалась ни сколько и продолжала бранить покойнаго Матвѣя. Сергѣй Никаноричъ на судѣ потѣлся, краснѣлъ и видимо стыдился сѣраго халата и того, что его посадили на одну скамью съ простыми мужиками. Дашутка расплакивалась въ тюрьмѣ, не понимала вопросовъ, которые ей задавались, и сказала только, что когда дядю Матвѣя убивали, то она очень испугалась, а потомъ ничего».

Ихъ всѣхъ, этихъ жертвъ тьмы, обвинили ошибочно въ корыстолюбъ убійствѣ и услали на каторгу, среди страданій которой воскресла душа одного только Якова. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ пожилъ по тюрьмамъ вмѣстѣ съ разными людьми, разныхъ вѣръ, обычаевъ и національностей, посмотрѣлъ на ихъ страданія.

«онъ опять сталъ возноситься къ Богу и ему казалось, что онъ узналъ настоящую вѣру, ту самую, которой такъ жаждалъ, такъ долго искалъ и не находилъ весь его родъ, начиная съ бабки Авдотьи. Онъ все уже зналъ и понималъ, гдѣ Богъ и какъ должно ему служить, но было непонятно только почему эта вѣра, которую другіе получаютъ отъ Бога даромъ вмѣстѣ съ жизнью, досталась ему такъ дорого, что отъ всѣхъ этихъ ужасовъ и страданій, которые, очевидно, будутъ продолжаться безъ перерыва до самой его смерти, у него трясется, какъ у пьяницы, руки и ноги. Онъ вглядывался напряженно въ потемки и ему казалось, что съ дальняго сахалинскаго берега сквозь тысячи верстъ

этой тьмы онъ видитъ родину, видитъ темноту, дикость, безсердечье и тупое суровое скотское равнодушіе людей, которыхъ онъ тамъ покинулъ; зрѣніе его туманилось отъ слезъ, но онъ все съотрѣлъ вдаль и сердце шемло отъ тоски по родинѣ и хотѣлось жить, вернуться домой, рассказать тамъ про свою новую вѣру и спасти отъ гибели хотя бы одного человѣка и прожить безъ страданій хотя бы одинъ день».

Такимъ безнадежнымъ пессимистическимъ аккордомъ заканчиваетъ г. Чеховъ исторію мытарствъ этихъ изнемогающихъ града темныхъ русскихъ душъ. Васъ трогаетъ мрачная картина этого безконечнаго горя, вамъ до слезъ жалко этого бѣднаго, измученнаго человѣка, но, зашѣйте, онъ все-таки какъ-то безконечно далекъ вашей душѣ и, даже жалѣя его, вы остаетесь совершенно чужды ему. Слово передъ вами чуждѣе другого міра, другой культуры или созданіе другой породы. Яковъ Тереховъ не такъ ужъ далеко ушелъ, хотя-бы отъ толстовскаго Брехунова, — въ переживаемыхъ имъ нравственно-психологическихъ моментахъ есть положительно много общаго, — а вспомните, насколько ближе во все время чтенія разсказа про „хозяина и работника“ былъ вашей душѣ этотъ купецъ Брехуновъ, сравнительно съ Яковомъ Тереховымъ. Это впечатлѣніе объясняется главнымъ образомъ холодною объективностью чеховскихъ описаній, объективностью, которую такъ значительно смягчилъ въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ Толстой, но которая сохраняется во всемъ своемъ блескѣ и жесткости, въ разсказахъ ероднаго ему по таланту Чехова. Благодаря именно этой рѣзкой объективности отношенія автора къ герою, его замѣчательно художественный психологическій очеркъ производитъ впечатлѣніе этнографическаго. Разскази намъ о душевныхъ мытарствахъ Якова, положимъ, куда менѣе талантливый, но субъективный художникъ г. Короленко — и мы бы живо переживали всѣ его терзанія, онъ былъ бы героемъ и воплощеніемъ нашихъ собственныхъ мученій совѣсти, а читая Чехова, мы словно разсматриваемъ его душевныя порывы сквозь какую-то художественно-психологическую лупу, какъ движенія какого-нибудь рѣдкостнаго наѣкомаго. Когда Чеховъ пишетъ такимъ тономъ о близкихъ намъ типахъ, эта объективность отношенія нѣсколько сглаживается психическимъ родствомъ и близостью читателей и героевъ, но въ разсказахъ съ героями изъ другого общественнаго класса онъ неминуемо переходитъ въ психологическую этнографію. Чуждымъ интеллигентному читателю и только этнографическимъ типомъ Яковъ кажется, между прочимъ, и потому, что даже и въ періодъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія онъ какъ будто вовсе не вспоминаетъ объ убитомъ братѣ. По исполненному большинъ недомолчокъ описанію духовнаго возрожденія Якова вы не видите играло-ли это событіе

братоубійства, само по себѣ, рѣшающую роль, продолжалъ-ли онъ отнестись къ нему также механически-просто, по инерціи прежнихъ, уже пережитыхъ раскольниковыхъ изувѣрскихъ вѣрованій, какъ въ первые дни, когда его всего больше пугало, что урядникъ будетъ курить въ моленной, а сосѣди будутъ говорить: „Богомолowychъ повели“! Чеховъ говоритъ только, что во время суда онъ уже не имѣлъ никакой вѣры, ничего не зналъ и не понималъ, а прежняя вѣра казалась ему противной, неразумной и темной, на которѣ-же „съ тѣхъ поръ, какъ онъ тожилъ съ людьми, пригнанными сюда съ разныхъ концовъ, съ русскими, съ хохлами, татарами, грузинами, китайцами, евреями и т. д.—прислушался къ ихъ разговорамъ, наглядѣлся на ихъ страданія, онъ опять сталъ возноситься къ Богу и обрелъ, казалось, настоящую вѣру“. Вотъ и все. Онъ говоритъ о тоскѣ Якова по родитѣ, но ни слова не говоритъ о мученіяхъ совѣсти, о мучительномъ покаяніи за совершенное. Этотъ субъектъ томится животнымъ чувствомъ любви къ родному мѣсту, доступнымъ даже кошкамъ; онъ съ упорствомъ правнука бабки раскольницы, ищетъ удовлетворенія религіознаго чувства, но живая человѣческая совѣсть ничего не говоритъ въ его сердцѣ, вашему чувству, въ этотъ моментъ переживаемаго имъ перелома. Насколько эта недосказанность пережитого имъ поворота и отсутствіе воспоминаній о братѣ, который въ нашей психикѣ играли-бы первенствующую роль, дѣлаетъ намъ чуждымъ личность Якова, настолько же неопредѣленность и недосказанность его новой вѣры производитъ впечатлѣніе вышней художественной правдивости, которою талантливый авторъ не захотѣлъ пожертвовать ради какихъ-нибудь поученій и тенденціозности. Кто бы изъ современныхъ писателей удержался отъ такого соблазнительнаго случая наговорить теплыхъ словъ о любви къ ближнему, которая остается только словами; кто бы не подсказалъ герою своего собственнаго символа вѣры въ поученіе и назиданіе читателю—и кто бы не впалъ при этомъ въ шаржъ? Въ этомъ случаѣ объективность Чехова является большою художественною заслугою.

Интересно сравнить героев Чехова, Богомолowychъ, какъ опредѣленные религіозные типы, съ героиней повѣсти г-жи Цуриковой, о которой мы говорили въ прошлой бесѣдѣ. Скорбная Варвара г-жи Цуриковой знала и чувствовала сердцемъ только нравственную сущность религіи—любовь и жалость къ ближнему и всему живущему на свѣтѣ. Она видѣла Бога вездѣ—и въ звѣздочкѣ, блеснувшей на небѣ, и въ душѣ человеческой и во всѣхъ твореніяхъ его на землѣ. Обращаясь къ первоисточнику религіозно-нравственнаго чувства въ собственномъ сердцѣ, она не могла сбиться съ истиннаго пути и потерять живаго Бога свое-

души въ бездушныхъ догматахъ раскольниковъ, въ утратившихъ смыслъ символахъ и обрядахъ. Не то братья Тереховы. Оба они заблуждались, погрязали въ мистицизмѣ, въ сухой религіозной формальности обрядовъ и оба забывали о томъ, что составляетъ основу истинно христіанскаго чувства. Выбрались ли только отчасти. Проповѣдуемое Матвѣемъ непротівленіе и неосужденіе; его совѣты „вѣрить какъ всѣ, а что сверхъ того, то отъ лукаваго“ — все это имѣетъ хорошую сторону, какъ отреченіе отъ гордыни аскетическаго пустосвятства, но сама по себѣ такая проповѣдь и такіа совѣты собственно говоря равносильны пассивному религіозно-нравственному индифферентизму и полной безличности. Это то же самое издавна знакомое намъ по всей исторіи русской жизни правило: „моя хата съ краю, ничего не знаю“, то же отреченіе отъ собственной личности, перенесенное изъ области общественной въ сферу религіозную. Въ языческія времена такіа личности охотно служать языческимъ богамъ, потому что „какъ міръ, такъ и я“. Братъ его Яковъ болѣе самостоятеленъ, онъ болѣе личности, чѣмъ Матвѣй. Во имя того, что онъ лично признаетъ истинной, онъ способенъ идти и противъ міра, да бѣда его въ томъ, что онъ не знаетъ гдѣ истина и куда идти. Религія для него была только опредѣленнымъ распорядкомъ жизни и воззрѣній и пока его мысль спала, онъ довольствовался ею. Но вазойливыя обличенія Матвѣя нарушили миръ и сонъ его души, и его собственная (и всѣхъ окружающихъ) жизнь безъ истинной вѣры показала ему „дичью и темную“, „странную, безумную и безпросвѣтную, какъ у собаки“. Жажда Бога была у него гораздо болѣе глубокой и искренней, чѣмъ у Матвѣя. Онъ видитъ, что у жандарма и у буфетчика нѣтъ никакой вѣры и удивляется, что это несколько не беспокоитъ ихъ, но и самъ, собственно говоря, почти всю жизнь, какъ и они, прожилъ безъ вѣры, даже не замѣчая этого. Тѣ полураскольничьи обряды, которые замѣняли ему религію, были вѣрою его предковъ, механически имъ перенатую, но все-таки не его лично вѣрою. Онъ вѣрилъ по привычкѣ, по традиціи, по рутинѣ, но не по внутреннему непосредственному чувству. Если бы не братъ Матвѣй, жизнь его мирно протекла бы по колѣи унаслѣдованныхъ воззрѣній, какъ у миллионеровъ ему подобныхъ — и онъ даже никогда бы не задумывался о вопросахъ вѣры, потому что за него думала и за него рѣшила ихъ бабка Авдотья. У него была, повидимому, личная критика, но она не шла далѣе вѣршней, обрядовой стороны. Только столкновение съ братомъ пробудило его личную мысль, а она указала ему страшную пустоту его религіозно-нравственнаго существованія. Для миллионеровъ такихъ-же темныхъ Яковыхъ, авторитетъ ихъ предковъ и руководителей, и привычная рутина мыслить такъ а не иначе, замѣняетъ

личную работу мысли, они живут по волеѣ поколѣній, ни во что не вникая, ни о чемъ не думая, по механически воспринятой вѣрѣ предковъ, которые думали за нихъ, но у нихъ нѣтъ вѣры и въ ихъ жизни нѣтъ правды. И когда неожиданно пробудится совѣсть, каждый изъ „малыхъ сихъ“ почувствуетъ себя въ такой-же крошечной тѣмѣ и безпросвѣтной мракѣ, какъ Яковъ. Исторія его преступленія и просвѣтленія служатъ новымъ подтвержденіемъ старой истины, что вѣра непремѣнно должна быть личной, что каждый человѣкъ долженъ купить ее работой своей мысли. Царство Божіе „нудится“, а не дается даромъ ни авторитетомъ, ни привычкой, ни слѣпой неразумной рутинной.

Чеховъ посвящаетъ свой талантъ психологической разработкѣ религиозныхъ вопросовъ, а другой беллетристъ „Русской Мысли“ г. Ардовъ, написалъ рассказы, свидѣтельствующій о печальныхъ послѣдствіяхъ распущенности нравовъ и о пользѣ добродѣтели. Если нѣкоторые описанія Чехова грѣшатъ излишней объективностью, доходящей до холодного олимпійства, — даже до жестокости, то перо г. Ардова, напротивъ, такъ и брызжетъ субъективнаго чувствомъ. Г. Ардовъ, можно сказать, макаетъ перо не въ чернильницу, а въ собственное, трепещущее лучшими чувствами сердце, ведетъ рассказъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ и въ патетическую минуту самъ не прочь уронить слезу. По излишней страстности настроенія рассказа, въ немъ подѣ мужской подписью не трудно угадать даму.

Сколько помнится г. Ардовъ выступилъ въ литературѣ лѣтъ десять тому назадъ, имѣвшимъ нѣкоторый успѣхъ романомъ „Руфина Козодоева“ изъ жизни крупнаго культурнаго купечества, изъ быта современныхъ интеллигентныхъ „людей капитала“. О немъ сразу заговорила критика именно въ томъ смыслѣ, что типы Островскаго устарѣли, что типы дворянства, духовенства, разночинцевъ и пр. уже заѣжены, писаны и переписаны, а вотъ новый беллетристъ, имѣющій доступъ за кулисы коммерціи, нарисуетъ намъ свѣжихъ героевъ нашего русскаго „трегьяго сословія“. Потому ли, что у нашего третьяго сословія нѣтъ героевъ, кромѣ тѣхъ, что показываютъ ширь своей натуры на нижегородской ярмаркѣ, или потому, что у автора не хватило таланта схватить ихъ типы, но, вопреки ожиданій, новыхъ горизонтовъ творчества онъ не открылъ, а писалъ довольно сѣренькія вещи, которыя не вызывали никакихъ толковъ. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, а года два тому назадъ, онъ снова напумѣлъ вдругъ романомъ „Необыкновенная женщина“, которая полагаетъ, что для нея, какъ для необычайной натуры, никакая мораль не писана и, промѣнявъ на сюжетъ вѣку нѣсколькихъ му-

И. Золотниковъ

М. А. Г. Кутаровъ